

рять разного рода стимулирующими выплатами добросовестный труд работников, состоящих с работодателем в трудовых отношениях, то и адвокат не может быть лишен гонорара успеха. Также, в соответствии с ч. 3 ст. 37 Конституции, каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации.

Второй вывод содержит некоторые противоречия. Если гонорар успеха не будет взыскиваться с проигравшей стороны в силу того, что соглашение заключалось между клиентом и представителем, то можно ли сделать аналогию на другие расходы, понесенные доверителем в связи с заключением соглашения с адвокатом, но не предусматривающим возможности уплаты гонорара успеха. Разумеется, нет. К тому же процессуальный оппонент клиента никогда не являлся стороной соглашения, заключаемого адвокатом и его доверителем.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в ближайшее время споры о гонораре успеха будут еще возникать, несмотря на то, что оценка этого явления была дана как Высшим Арбитражным Судом РФ, Конституционным Судом РФ, так и Верховным Судом РФ. Мы считаем, что спор должен быть разрешен иным образом, а именно путем внесения новых положений в гражданское законодательство и законодательство об адвокатуре, которые могут прямо запретить или разрешить с указанием пределов соглашение сторон о привязке размера оплаты юридической помощи к результату этой помощи.

Список литературы

1. Резник Г. В адвокатуре завелся вирус коммерции, но эпидемия предотвратима // Рос. юстиция. 1999. № 11. С. 24.

А. Б. Афанасьев

старший преподаватель кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ФОРМА ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В соответствии с положениями ст. 836 ГК РФ¹, договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме под страхом его ничтожности. Законодатель установил, что письменная форма может считаться соблюденной в случае удостоверения внесения вклада сберегательной книжкой (именной или на предъявителя), депозитным или сберегательным сертификатом или иным документом, выданным вкладчику, если этот документ отвечает требованиям закона, установленным в соответствии с ним банковским правилам и применяемым в банковской практике обычаям делового оборота. Статья

36 Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности» также содержит требование о необходимости заключения договора банковского вклада в письменной форме, но в данной норме письменная форма предполагается соблюденной, если договор составлен в двух экземплярах, один из которых выдается вкладчику¹.

Как следует из приведенных норм, в качестве письменной формы договора банковского вклада могут рассматриваться сберегательная книжка, депозитный или сберегательный сертификат, договор как документ, а также иные документы, выданные банком вкладчику. Норма ст. 836 ГК РФ особо подчеркивает, что именно внесение вклада удостоверяется тем или иным документом, менее определенно данное положение выражено в ст. 36 Закона «О банках и банковской деятельности», согласно которой не внесение денежных средств, а привлечение средств во вклады оформляется договором. Однако обе рассматриваемые нормы исходят из одного: передача вкладчику документа, подтверждающего внесение вклада, производится только после фактического внесения денег в кредитную организацию. Такое законоположение полностью соответствует реальной природе договора банковского вклада, поскольку правоотношение между кредитной организацией и вкладчиком возникает только после передачи денег. Таким образом, законодатель установил, что сам факт передачи банком вкладчику определенного документа свидетельствует о внесении вклада вкладчиком.

Действующее законодательство России не содержит требования о необходимости составления каких-либо других документов, подтверждающих внесение вклада, хотя на практике такие документы составляются. Если вклад внесен в кредитную организацию в безналичной форме (перечислением денежных средств со счета вкладчика в этом же или ином банке), у вкладчика остаются платежные документы, банковские выписки. Если вклад вносится в наличной форме, банк должен составить приходный кассовый ордер, подтверждающий внесение денежных средств в кассу банка. Кроме того, при принятии вклада вкладчику открывается депозитный счет, по которому банк учитывает сумму своей задолженности перед вкладчиком. Таким образом, принимая денежные средства во вклад, банк должен совершить целый ряд действий, вытекающих не из гражданско-правовой сделки, а опосредованных нормами, регулирующими банковскую деятельность. Данные нормы регламентируют вопросы бухгалтерского учета и документооборота в кредитных организациях и не могут влиять на отношения между банком и вкладчиком. Нарушение банком своих публичных обязанностей (нарушение правил бухгалтерского учета) не может повлечь каких-либо негативных последствий для вкладчика.

В последние годы банки нередко сознательно нарушают установленные Банком России требования в части надлежащего оформления банковских опе-

---

¹ О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (в ред. от 29.12.1995 № 403-ФЗ) // Рос. газета. 1996. 10 февр.

раций. Так, Мособлбанк, ограниченный Банком России в праве привлекать вклады физических лиц, на протяжении трех лет принимал вклады населения и выводил их за баланс. Общая сумма скрытых денежных средств составила 76 млрд руб. [1]. Другим ярким примером принятия денежных средств во вклады без надлежащего их оформления является деятельность коммерческого банка «Мастер-банк» (ОАО), который принимал вклады от VIP-клиентов на нетипичных условиях (по более высокой ставке, чем у обычных вкладчиков). Принятые денежные средства в бухгалтерском учете банка не отражались, приходные кассовые ордера вкладчикам не выдавались. Единственным документом, подтверждающим факт заключения договора, являлся договор банковского вклада, в тексте которого было указано о том, что «настоящий договор является документом, удостоверяющим прием вклада и основанием для исполнения принятых перед вкладчиком обязательств».

Справедливости ради стоит сказать, что и физические лица, требующие выплаты вкладов, не всегда действуют добросовестно. Примером может являться ситуация с ООО «Трансэнергобанк», где объем вкладов за несколько месяцев до отзыва лицензии на осуществление банковских операций вырос в десятки раз, все вклады размещались не в головном, а в дополнительном офисе, первичные документы из которого исчезли. Доказательствами мошеннических действий являются и те обстоятельства, что все суммы вкладов были близки к максимальному уровню страхового возмещения, нередко новые вклады открывались одними и теми же лицами (двое граждан в один день по доверенностям разместили 416 вкладов), не оказалось денежных средств, якобы привлеченных банком в этот период, ни в кассе, ни на корреспондентском счете банка [2]. Подобная же ситуация имела место в отношении «Диг-банка», где также непосредственно перед отзывом банковской лицензии были фиктивно оформлены вклады более тысячи вкладчиков.

Таким образом, на фоне имеющих место мошеннических действий физических лиц, пытающихся получить денежные средства по вкладам, которые они не размещали в кредитных организациях, имеются и обратные случаи, когда вклады не могут получить вкладчики, фактически их разместившие, но в силу того, что банк не оформил их подобающим образом, лишенные возможности защитить свои права.

Судебная практика на протяжении ряда лет не могла выработать единый подход к вопросу о необходимости подтверждения внесения вклада дополнительными документами, помимо самого договора банковского вклада. Так, Верховный Суд Республики Северная Осетия занял позицию по удовлетворению требований вкладчиков, отказывая Агентству по страхованию вкладов в проведении почерковедческой экспертизы, несмотря на то, что требования данных вкладчиков представлялись весьма сомнительными. Однако следует признать, что в данном случае не закон, а политическая воля имела определяющее значение для вынесения решений в пользу вкладчиков [2]. Совершенно иной подход был выработан судами при рассмотрении требований вкладчиков Ком-

мерческого банка «Мастер-Банк» (ОАО). Определением Верховного суда РФ от 13 мая 2015 г. № 305-ЭС14-5119 было установлено, что вкладчик, заключивший договор банковского вклада с «Мастер-Банком», имел на руках только текст договора, в пункте 4.5 которого было указано: «Настоящий договор является документом, удостоверяющим прием вклада и основанием для исполнения принятых перед вкладчиком обязательств»¹. Как установил суд, сведений о наличии вкладов Джибаева А. В. в банке, счета для принятия вклада и начисления на него процентов отсутствуют. Иных доказательств, подтверждающих фактическую передачу денег должнику во исполнение условий названных договоров, не представлено. По мнению Верховного суда РФ, при таких обстоятельствах суды, руководствуясь ст. 836 ГК РФ, сделали правомерный вывод о несоблюдении сторонами письменной формы договора банковского вклада и ничтожности такой сделки.

В то же время ст. 836 ГК РФ не содержит требования о предоставлении каких-либо других доказательств о заключении договора банковского вклада, кроме тех, которые прямо названы в законе. В спорном правоотношении письменная форма договора соблюдена, сам договор назван документом, подтверждающим внесение вклада, поэтому отсутствие дальнейших фактических действий со стороны банка не должно влиять на правовую квалификацию вопроса о соблюдении письменной формы договора. Обосновывая свою правовую позицию, Верховный суд РФ сослался на сложившуюся банковскую практику, которая свидетельствует о заключении договоров банковского вклада путем присоединения вкладчика к стандартным условиям договора и которая не допускает выборочного оформления договоров банковского вклада. По мнению Верховного суда РФ, «участие в отношениях по банковскому вкладу, не отвечающих общепринятым и общеизвестным стандартам поведения в сфере привлечения денежных средств физических лиц во вклад, не согласуется с презумпцией разумности и добросовестности участников гражданского оборота». При этом Верховным судом РФ проигнорированы принцип свободы договора, отсутствие законодательных запретов на способ заключения договора банковского вклада. Так называемые VIP-вкладчики отличаются от остальных клиентов банка объемом денежных средств, которыми могут распоряжаться; при таких условиях вполне возможно допустить привлечение денежных средств банком на более выгодных для вкладчика условиях, что объяснимо и с экономической точки зрения. Указанное Определение совершенно не учитывает то обстоятельство, что в отношениях с банком вкладчик – физическое лицо всегда является более слабой стороной, поэтому ссылка Верховного суда РФ на «общеизвестные и общепринятые стандарты поведения в сфере привлечения денежных средств» в данном контексте не выдерживает никакой критики.

---

¹ *Определение Верховного суда РФ от 13 мая 2015 г. №3 05-ЭС14-5119 по делу № А40-172055/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 23 февраля 1999 г. № 4-П¹ выразил правовую позицию, согласно которой граждане-вкладчики лишены возможности влиять на содержание договора банковского вклада, что является для них ограничением свободы договора и поэтому, как экономически слабая сторона, нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, чтобы реально гарантировать соблюдение конституционного принципа равенства при осуществлении предпринимательской деятельности.

Как справедливо отметил Конституционный суд РФ в постановлении от 27 октября 2015 г. № 28-П², неблагоприятные последствия несоблюдения банком порядка оформления вклада несет банк, который является профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний. При рассмотрении подобных споров суды не должны исходить исключительно из установления формальных условий применения нормы, поэтому суды не вправе квалифицировать договор банковского вклада с гражданином как ничтожный или незаключенный только на том основании, что в банке отсутствуют сведения о вкладе. «При этом на гражданина-вкладчика, не обладающего профессиональными знаниями в сфере банковской деятельности и не имеющего реальной возможности изменить содержание предлагаемого от имени банка набора документов, необходимых для заключения данного договора, возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий». Иной подход требует законодательного закрепления полного перечня всех необходимых для заключения договора банковского вклада документов, а также фактических действий, которые вкладчик должен предпринять при заключении договора. Однако такое детальное регулирование данных правоотношений приведет к еще большему нарушению прав вкладчиков, поскольку не будет учитываться их уровень правовой грамотности, в то же время требуя от них совершения юридически значимых действий.

Как представляется, главным доказательством заключения договора банковского вклада с физическим лицом является выданный банком вкладчику документ. Если денежные средства были переданы вкладчиком сотруднику банка непосредственно в помещении банка и из обстановки у вкладчика не должно было возникнуть сомнений в том, что он действует добросовестно, такие споры должны разрешаться в пользу вкладчиков. Задача государства в лице Банка

---

¹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 февр. 1999 г. № 4-П // Рос. газета. 1999. 3 марта.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной: постановление Конституционного Суда РФ от 27 окт. 2015 г. № 28-П // Рос. газета. 2015. 5 нояб.

России и Агентства по страхованию вкладов – обеспечить надлежащую защиту прав вкладчиков, пресекая неправомерные действия кредитных организаций, поскольку вкладчик, размещая денежные средства в банке, «несет определенный риск и его действия, осуществляемые в личных интересах, имеют также публичное значение, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного кредитования»¹.

Список литературы

1. Козлова В., Дементьева С., Ковалева Е. Без десяти процентов // Коммерсантъ. 2014. 10 июля.
2. Баязитова А. В Дагестане размножились вклады // Коммерсантъ. 2012. 15 нояб.

А. А. Василенко

студент II курса
юридического факультета ЗУИЭП

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Ответственность корпорации может наступать в результате нарушения ею норм законодательства или договорных норм.

В вопросе об ответственности раскрывается сущность корпоративных правоотношений. Неотъемлемым признаком хозяйственных обществ является так называемая ограниченная ответственность акционеров по обязательствам общества².

Анализируя тему ответственности, необходимо разграничить ответственность, оказывающую воздействие на участников корпоративных правоотношений, и ответственность хозяйственного общества как юридического лица вне связи с данным видом правовых отношений.

Придавая столь высокое значение в развитии корпоративных отношений институту ответственности, следует назвать его основные отличительные особенности:

1) к ответственности в хозяйственных обществах привлекаются участники корпоративных правоотношений;

© Василенко А. А., 2016

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 июля 2001 г. № 10-П // Рос. газета. 2001. 11 июля.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генер. Ассамблеей ООН на 51-м пленар. заседании 31 окт. 2003 г.) (в ред. от 26.06.2006 № 26) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 26 июня.